

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.Н. Зарин

**Значение аскетического принципа
в православном богословии и
отношение его к современности**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 6. С. 882-891.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Значеніе аскетическаго принципа въ православномъ богословіи и отношеніе его къ современности.

Рѣчь, произнесенная (4 апрѣля 1907 г.) предъ защитой диссертации: „Аскетизмъ по православно-христіанскому ученію. Томъ первый: основоположительный. Книга первая: критическій обзоръ важнѣйшей литературы вопроса. Книга вторая: опытъ систематическаго раскрытія вопроса“. С.-Петербургъ. 1907.

АСКЕТИЗМЪ, понимаемый въ широкомъ смыслѣ, принадлежитъ къ такимъ явленіямъ религіозно-нравственной жизни, которыя — въ основныхъ формахъ и наиболѣе характерныхъ особенностяхъ — историкъ констатируетъ въ практикѣ всѣхъ народовъ и религій, начиная съ древнѣйшихъ, — какъ фактъ общій и обычный ¹⁾). Аскетизмъ — общая принадлежность языческой древности, іудейства и христіанства, начиная съ самаго его возникновенія. Аскетизмъ, такимъ образомъ, — явленіе общечеловѣческое; онъ проникаетъ собою всѣ религіи и всякія религіозныя культуры, выступая въ каждой изъ нихъ то сильнѣе, то слабѣе. Ни одна религія, достойная этого имени, не обходится безъ аскетическаго элемента. Аскетизмъ принадлежитъ въ извѣстномъ смыслѣ къ постояннымъ величинамъ человѣческой исторіи ²⁾).

Христіанство собственно не произвело существенно новыхъ *формъ* аскетическаго дѣланія; однако, его вступленіе въ общее развитіе аскетизма обозначаетъ громаднѣй — принципиальнаго значенія — историческій успѣхъ. Христіанство — религія самопреданной вѣры и святой самоотверженной благодатной любви, —

¹⁾ Ср. *Dr. Otto Zöckler. Kritische Geschichte der Askese. Frankfurt a M. 1863. S. 131.*

²⁾ Ср. *Zöckler. Askese und Mönchtum. 1. B. 1897. SS. 2—4.*

даже по признанію протестантскаго ученаго,—явилось болѣе могущественною силою аскетизма, чѣмъ всѣ раннѣйшія религіи. Только на почвѣ христіанства аскетизмъ становится силою, имѣющею историческое міровое значеніе. Все раннѣйшее было доисторическимъ ¹⁾. Осуществивъ самыя завѣтныя, глубокія чаянія человѣчества, христіанство дало истинное направленіе и глубоко заложенному въ человѣческую природу аскетическому стремленію, оживило его, возродило, сообщило ему истинную цѣль и подлинную цѣнность, вдохнуло новый духъ благодатной жизни въ прежнія аскетическія формы и преобразовало ихъ существенно.

Итакъ, хотя психо-физическая переработка человѣческой личности, какъ нормативное требованіе этики и какъ несомнѣнный историческій фактъ, не составляетъ исключительной принадлежности христіанства, такъ какъ она имѣла и имѣетъ мѣсто и въ до-христіанскомъ и во внѣ-христіанскомъ мірѣ, достигая здѣсь иногда степени очень высокой; однако въ христіанствѣ указанная аскетическая переработка получаетъ такія специфическія особенности, которыя дѣлаютъ ее явленіемъ несоизмѣримымъ съ аналогичными фактами до-христіанской и внѣ-христіанской аскетики, такъ какъ въ христіанствѣ психо-физическая переработка личности поставляется въ тѣснѣйшую связь съ духовно-благодатнымъ развитіемъ совершенства, объективно данаго въ возрожденіи, въ полнѣйшую зависимость отъ него.

Изученіе аскетизма, въ связи съ мистицизмомъ, вообще имѣетъ важное современное апологетическое значеніе, такъ какъ подтверждаетъ глубокое и существенное значеніе религіознаго чувствованія въ жизни человѣка. Религіозное чувствованіе фактически оказывается самымъ высшимъ, самымъ сложнымъ и самымъ сильнымъ, интенсивнымъ изъ всѣхъ высшихъ чувствованій. Никакія другія чувствованія, самыя возвышенныя, напр., эстетическія, а тѣмъ болѣе интеллектуальныя, не могутъ дать того восторга, того экстаза, того блаженнаго самозабвенія,—такихъ продолжительныхъ и такихъ интенсивныхъ состояній блаженства, какія переживали аскеты-мистики. Страданія, физическія и моральныя, вслѣдствіе всяческихъ лишеній, соединенныхъ съ аскетизмомъ, не дѣлали жизнь аскетовъ-мистиковъ невыносимой; напротивъ, они испытывали высшее блаженство, особенно въ молитвенномъ состояніи. Этимъ съ очевидностью доказывается

¹⁾ Ср. Zückler, S. 136.

великое значеніе религіозныхъ чувствованій, ихъ неизмѣримое превосходство надъ всѣми остальными по ихъ могущественному вліянію на всю жизнь, на все поведеніе человѣка. Самое высшее, самое прочное счастье человѣку могутъ доставить только религіозныя чувствованія, точнѣе, — жизнь подъ ихъ вліяніемъ, или вдохновляемая и направляемая ¹⁾).

Если аскетизмъ—самъ по себѣ явленіе въ жизни человѣчества въ высшей степени важное, глубокое и серьезное, поскольку онъ соприкасается съ самыми возвышеннѣйшими чаяніями и настроеніями человѣчества, и если изученіе его—несомнѣнно—представляетъ серьезный интересъ не только съ этической и психологической стороны, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ,—то въ послѣднее время вопросъ объ аскетизмѣ получилъ глубокой современный интересъ въ сознаніи лицъ, серьезно интересующихся религіозными и этическими вопросами. Эта особенная современная важность вопроса объ аскетизмѣ неоднократно и настойчиво отмѣчалась за послѣднее десятилѣтіе не только богословскими, но и свѣтскими писателями,—какъ публицистами, такъ даже и беллетристами, какъ въ западной европейской литературѣ, такъ и у насъ, въ Россіи. Даже въ протестантскихъ странахъ высокая научная важность вопроса объ аскетизмѣ категорически признана такими серьезными учеными, какъ А. Гарнакъ, Голль и—особенно—Цѣкклеръ, который историческое изученіе аскетизма избралъ даже своею спеціальностью. Тѣмъ большее, конечно, значеніе имѣетъ вопросъ объ аскетизмѣ для православнаго богословія.

Современное значеніе вопроса объ аскетизмѣ и его отношеніе къ самой сущности религіозной жизни, неразрывная связь его съ самыми основными положеніями православнаго міровоззрѣнія, содержательность и интересность темы и такое положеніе вопроса въ современной наукѣ, которое, съ одной стороны, даетъ надежную почву и достаточный матеріалъ для работы въ этой спеціальности, а съ другой, предоставляетъ возможность внести и свою посильную лепту въ разработку и уясненіе такого въ высшей степени важнаго въ православномъ богословіи вопроса, какъ вопросъ объ аскетизмѣ,—всѣ эти условія, при общей склонности къ богословскимъ занятіямъ, явились для меня достаточнымъ побужденіемъ—заняться изуче-

¹⁾ Ср. *проф. В. Ф. Чижъ*. Психологія нашихъ праведниковъ. Вопросы философіи и психологіи. 1906. Ноябрь—Декабрь (кн. 85), стр. 381 и слѣд.

ніемъ вопроса объ аскетизмѣ, съ цѣлью представить его носильное освѣщеніе въ диссертациі по систематическому богословію.

Правда, самое существо православной богословской науки таково, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ открытіи какихъ-либо неизвѣстныхъ доселѣ истинъ или даже о совершенно новой точкѣ зрѣнія,—но этимъ не исключается возможность непрерывнаго углубленія сознанія въ постиженіи истины и безконечнаго расширенія горизонта мысли. Въ данномъ случаѣ къ предмету нашего изслѣдованія даже болѣе, чѣмъ къ какой-либо другой богословской области, примѣнима та точка зрѣнія, что содержаніе его представляетъ собою объективный богословскій и историческій фактъ, который—безспорно—можетъ подлежать объективному анализу и научному раскрытію. Если даже въ наукахъ, которыя считаются и называются по преимуществу точными,—въ астрономіи, физикѣ, не говоря уже о филологіи. «научное искомое (х) часто составляетъ не самый результатъ, который, можетъ быть, уже заранѣе извѣстенъ, а методъ, который соглашаетъ послышки съ этимъ выводомъ»¹⁾, то изслѣдованіе, представляющее собою попытку уясненія вопроса о связи аскетизма съ цѣльнымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, принимающее во вниманіе тѣ историческія условія, среди и подъ вліяніемъ которыхъ православное ученіе раскрывалось и формулировалось, изслѣдованіе, разъясняющее, какъ это ученіе отражалось въ конкретной исторической жизни представителей аскетизма и т. д.—можетъ быть названо научнымъ,—разумѣется, если только оно располагаетъ въ своей области надежными и достаточными данными и ведется цѣлесообразнымъ методомъ.

Стремясь уяснить и раскрыть вопросъ съ возможною объективностью и обстоятельностью, авторъ настоящаго изслѣдованія, естественно, долженъ былъ сосредоточиться прежде всего и главнымъ образомъ на изученіи первоисточниковъ, т. е. Св. Писанія и святоотеческой письменности.

Что касается *Св. Писанія*, то нерѣдко можно встрѣчать утвержденіе, что въ Евангеліи совершенно не дано аскетическаго момента. Такъ, по увѣренію А. Гарнака, въ Евангеліи нѣтъ ничего аскетическаго въ принципіальномъ смыслѣ слова. Однако, въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ самъ Гарнакъ существенно ограничиваетъ абсолютизмъ своего утвержденія и кон-

¹⁾ † *Проф. В. В. Болотовъ*. Лекціи по исторіи древней церкви. Христ. Чтен. 1907. Февраль, стр. 30.

чаетъ, въ сущности, категорическимъ признаніемъ того, что въ Евангеліи въ дѣйствительности данъ принципъ аскетизма. Аскетизмъ, разсуждаетъ онъ, вообще не имѣетъ никакого мѣста въ Евангеліи; но оно требуетъ борьбы, борьбы противъ мамоны, излишней заботы о земномъ и самолюбія, требуетъ, чтобы на первомъ планѣ стояла любовь, которая приноситъ себя въ жертву. Эта борьба и эта самоотверженная любовь и есть «аскетизмъ» въ евангельскомъ смыслѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, Гарнакъ—собственно только противъ термина «аскетизмъ»; онъ не желаетъ употреблять его, всячески избѣгаетъ. Правда, въ Евангеліи самый терминъ «аскетизмъ» не употребляется, но встрѣчается только его синонимъ (Ср. Мѡ. XI, 12. Лук. XVI, 16. XIII, 24). Терминъ *ἀσκη* употребляется только одинъ разъ у Ап. Павла и даже вообще въ св. Писаніи—и притомъ именно въ широкомъ смыслѣ (Дѣян. XXIV, 16); что же касается его синонимовъ, то они встрѣчаются нерѣдко (1 Кор. IX, 24—27. Ср. Іаков. I, 12; 1 Петр. I, 4, V, 4; Іуд. 3. Римл. VI, 18—19; VIII, 13; Гал. II, 2; V, 7 и др.). Что касается *святоотеческой письменности*, то понятіе «аскетизмъ» становится въ ней обычнымъ, особенно начиная съ IV вѣка. Это объясняется вліяніемъ философской терминологіи или, лучше сказать, содержательностью и выразительностью самаго философскаго понятія «аскетизмъ», которое отбѣняетъ переработку всей личности человѣка, соединенную притомъ съ напряженіемъ силъ и полною внимательностью,—вслѣдствіе чего это понятіе вполне подходило для выраженія христіанскаго ученія о сознательно-свободной, при помощи благодати, дѣятельности человѣка, имѣющей своею цѣлью приспособленіе всѣхъ силъ личной жизни христіанина,—какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ,—къ воспріятію благодати, къ согласному и совмѣстному дѣйствованію съ нею. Въ своемъ изслѣдованіи мы старались показать, что по вопросу объ аскетизмѣ нѣтъ никакого принципиальнаго различія между ученіемъ евангельскимъ и святоотеческимъ; что аскетическій моментъ несомнѣнно данъ въ Евангеліи, какъ одинъ изъ существенныхъ, хотя не самостоятельныхъ, элементовъ христіанства. Въ святоотеческомъ истолкованіи аскетизма отразились, правда, весьма замѣтно и вліянія тогдашней философіи, особенно въ терминологіи. Этому обстоятельству авторъ старался также дать должное освѣщеніе и объясненіе. На

¹⁾ Das Wesen des Christenthums. Leipzig. 1900. S. 56.

аскетическіе термины, въ которыхъ фиксировались аскетическія понятія, въ настоящемъ изслѣдованіи было обращено, по возможности, особенно тщательное вниманіе, съ цѣлью ихъ возможно точнаго и обстоятельнаго детальнаго анализа. Для этой цѣли приходилось дѣлать нѣкоторыя и филологическія изысканія съ помощью солидныхъ трудовъ надежныхъ специалистовъ.

Что касается *объема* изученія святоотеческой письменности, то наши усилія направлялись къ тому, чтобы оно было, по возможности, широкимъ, не оставляя безъ вниманія ни одного изъ наиболѣе видныхъ, характерныхъ выразителей православнаго ученія объ аскетизмѣ,—и мы имѣемъ основанія питать увѣренность, что въ настоящемъ изслѣдованіи, по мѣрѣ силъ и возможности, уяснены существенныя, основныя положенія православной святоотеческой аскетики и установлены важнѣйшіе аскетическіе термины. Эта увѣренность покоится, между прочимъ, и на томъ наблюденіи, что, изучая теперь ближе аскетическое міровоззрѣніе кого-либо изъ тѣхъ представителей святоотеческой аскетики, которые ранѣе—въ сочиненіи—мною специально не имѣлись въ виду (напр., пр. Θεодора Студита), я находилъ и нахожу полное подтвержденіе основнымъ положеніямъ моего сочиненія, и ясно,—какъ мнѣ кажется,—различаю въ твореніяхъ того или иного аскета элементы основной аскетической традиціи отъ индивидуальныхъ оттѣнковъ мыслей того или другого писателя. Во всякомъ случаѣ, я ставилъ свою задачу уяснить и установить основные элементы, существенные моменты, характерныя начала православнаго аскетическаго міровоззрѣнія...,—опредѣлить какъ бы тѣ законы, тѣ исходныя пункты, тѣ направленія, а также тѣ основныя историческія вліянія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ раскрывалось и уяснялось аскетическое православное міровоззрѣніе. Съ этой основной точки зрѣнія мы и ожидаемъ сужденій относительно настоящаго сочиненія... Наше сочиненіе—посильный трудъ по систематическому богословію; его задача—уяснить сущность, основной смыслъ православнаго ученія объ «аскетизмѣ», въ связи съ общимъ православнымъ міровоззрѣніемъ,—уяснить вопросъ, какое мѣсто и значеніе принадлежатъ аскетическому моменту въ общей системѣ православнаго богословствованія и въ общемъ строѣ истинно-христіанской религіозно-нравственной жизни. Предлагаемый трудъ, представляющій собою только первый—основоположительный—томъ всего нашего сочиненія, раскрываетъ православное ученіе объ «аскетизмѣ» только въ

самыхъ основныхъ и существенныхъ его чертахъ и не имѣть въ виду анализировать и оцѣнивать различныя историческія формы православнаго аскетизма, къ которымъ принадлежитъ и монашество, какъ аскетическая жизнь κατ' ἐξοχήν, — что должно составить содержаніе предполагаемаго—второго—тома нашего изслѣдованія.

Общій выводъ, выражающій сущность православнаго ученія объ аскетизмѣ, въ нашемъ изслѣдованіи сводится къ тому безспорному положенію, что «аскетизмъ», какъ совокупность методовъ, пріемовъ и средствъ религіозно-правственнаго усовершенствованія христіанина, имѣетъ серьезный смыслъ и получаетъ важное значеніе лишь постольку, поскольку онъ, въ общемъ стрѣхъ христіанской жизни и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—пригоденъ и приспособленъ къ достиженію идеала христіанскаго религіозно-правственнаго совершенства, — состояній самоотверженной любви къ Богу и ближнимъ ради Бога, — путемъ препобѣжденія противоположнаго состоянія—себялюбиваго эгоизма, свое конкретное выраженіе и проявленіе находящаго въ «страстяхъ» (πάθη). Слѣдовательно, значеніе «аскетизма» въ христіанской жизнедѣятельности не самостоятельное, самодовлѣющее и самоцѣнное, а вполне зависимое, подчиненное, вспомогательное... «Аскетизмъ», не приспособленный къ достиженію христіанскаго идеала, совершаемый самъ по себѣ и для себя, безцѣленъ, лишень созидательнаго характера и положительнаго значенія, — есть бесплодное положеніе усилій, безъ соотвѣтствующаго результата. Это—тѣло безъ души, одна видимость, быть можетъ и внушительная, но безъ внутренняго глубокаго содержанія (ἄσκησις φαινομένη), — то, что Апостоль назвалъ имѣющимъ только «видъ мудрости» (λόγον σοφίας). Колос. II, 23. Если же «аскетизмъ» отвѣдитъ подвижника отъ цѣли, а не приближаетъ къ ней, то такой аскетизмъ—не добро, а зло; это—аскетизмъ мучительный и демонскій ¹⁾, язычскій и безбожный ²⁾. Короче, аскетизмъ—лишь *методъ*, ведущій къ совершенству, а не самое совершенство. Необходимость наблюденія и соблюденія полнаго соотвѣтствія метода и цѣли и опредѣляетъ важное значеніе γυνῶσις'а, какъ основного принципа православной аскетики. Что касается *мистической* цѣли аскетизма, то она заключается, по православному ученію, въ

¹⁾ Климентъ А. Strom. Lib. III, с. XVIII, col. 1206 C.

²⁾ Ibid.

достиженіи тѣснѣйшаго общенія съ Богомъ. въ Которомъ—полнота благъ, красоты и жизни, а потому и въ человѣкѣ «аскетизмъ», по православному ученію, обезпечиваетъ интенсивность, богатство и полносодержательность истинной жизни, не подавляя, но поднимая на высшую ступень его сознание, чувство и волю. Это общее основное положеніе православной аскетики оправдывается во всѣхъ подробностяхъ. Стремясь ослабить и искоренить цѣлый циклъ состояній и принадлежностей наличной человѣческой жизни, въ которыхъ выражается ея эмпирическая невозрожденность, православная аскетика достигаетъ этого—главнымъ образомъ—путемъ воспитанія соотвѣствующихъ имъ «добродѣтелей». Усилія подвижника въ данномъ случаѣ направляются не къ тому, чтобы ослабить или убить какую либо природную способность, а къ тому, чтобы измѣнить направленіе силъ въ сторону истиннаго блага, развивая въ этомъ направленіи ихъ интенсивность до высшей возможной степени. Такъ, ни къ чему, повидимому, не относился аскетъ съ такою непримиримою враждебностью, какъ къ *ἡδονή*,—этой общей основѣ «страстей», но и это состояніе не совсѣмъ вытѣсняется и изгоняется изъ души подвижника, а лишь пріобрѣтаетъ болѣе возвышенный, благородный характеръ въ связи съ такими состояніями мистической жизни, какъ молитва, — и является *ἡ ἡδονή προσευχῆς* ¹⁾. *ὄργη*, какъ аффективное состояніе, вызываемое личной обидой и соединенное съ животнымъ чувствомъ мстительности,—грубый порокъ, гибельная «страсть», но не менѣе интенсивное состояніе *ὄργη*, направляющееся «ревностью» о славѣ Божіей,—высокая добродѣтель, важный стимулъ религиозно-нравственнаго развитія, моментъ, не противодѣйствующій истинно-христіанской любви, а ею съ необходимостью вызываемый и питаемый, присущій Самому Богу и имѣвшій мѣсто во Христѣ... Это—только немногіе примѣры, но и они достаточно характеризуютъ одну изъ существенныхъ особенностей православно-христіанской аскетики.

Но, — могутъ сказать, — «аскетизмъ» во всякомъ случаѣ есть проблема хотя и интересная и глубокая, однако исчерпывающаяся только областью личной, индивидуальной жизни и слишкомъ далекая отъ тѣхъ жгучихъ интересовъ живой

¹⁾ *Исаакъ С.* XXXI. 197. XXXII, 198 и др. (Изданіе Θεοτοκί). — То же самое слѣдуетъ сказать и о такихъ явленіяхъ духовной жизни, которыя называются *πόθος*, *ἐκπόρις* и под.

современности, которыми всецѣло живетъ и волнуется современное общество, стремящееся къ соціальному переустройству и именно въ немъ видящее спеціальную задачу переживаемаго историческаго момента.

Богословъ, обязанный «различать» «знаменія время» (Мѡ. XVI, 3), не можетъ не отмѣтить, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, значенія вопроса объ «аскетизмѣ», призывающаго къ самопознанію и самоиспытанію, къ мудрости змѣиной, къ «разсужденію» и осторожной вдумчивости,—значенія этого вопроса и для современнаго соціальнаго движенія. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сослаться на авторитетъ лицъ, вдумчиво наблюдавшихъ за современнымъ настроеніемъ общества, хорошо изучившихъ теоретическія и практическія основы современнаго соціальнаго движенія въ широкой перспективѣ и пришедшихъ къ признанію необходимости усиленно выдвигать предъ сознаніемъ современнаго общества вопросъ о важности личнаго религіозно-нравственнаго развитія членовъ общества, безъ чего невозможно устроеніе правильныхъ и соціальныхъ отношеній. Конечно, это не можетъ означать и оправдывать въ какой-либо степени отрицательнаго отношенія къ устроенію политической и соціальной жизни человѣчества на иныхъ, лучшихъ началахъ, но лишь подчеркиваетъ, что именно должно служить исходнымъ пунктомъ и конечною цѣлью такого прогресса. Исторія христіанскаго аскетизма показываетъ, что сами подвижники не признавали обычныхъ условія жизни благопріятствующими осуществленію ихъ возвышенныхъ религіозно-нравственныхъ стремленій, почему у нихъ и явились попытки устроить свою жизнь на иныхъ началахъ (напр., въ различныхъ формахъ монашества),—но здѣсь экономическая и хозяйственная сторона и вообще весь внѣшній строй жизни играли роль лишь вспомогательнаго средства. Однако, во всякомъ случаѣ,—очевидно,—и внѣшнему строю жизни, даже въ дѣлѣ осуществленія спеціально аскетическихъ стремленій, придавалось принципиально далеко немаловажное значеніе. И дѣйствительно, личность находитъ въ правильной организаціи общества умноженіе своихъ силъ, условіе ихъ надлежащаго развитія и проявленія, но, съ другой стороны, и соціальный строй не есть продуктъ механизма, но результатъ личнаго труда, личнаго творчества. По словамъ проф. *Пибоди*, «оцѣнить положеніе, какое ученіе о грѣхѣ занимаетъ въ соціальной жизни, выпало на долю нашего времени, и время, въ которое соціаль-

ный вопросъ составляетъ центральный пунктъ чловѣческихъ интересовъ, болѣе, чѣмъ, какое-либо другое, нуждается въ напоминаніи себѣ о коренящихся въ личности причинахъ соціального прогресса и упадка» ¹⁾).

По словамъ *Бердяева*, «въ основу общественности должно быть положено начало личности, ея трансцендентная природа, ея неповторяемая качества» ²⁾). Бердяевъ справедливо подчеркиваетъ неосновательность увѣренности, что достаточно будто бы измѣнить внѣ чловѣка находящія вещи,—и самъ чловѣкъ измѣнится ³⁾).

Есть одна только гарантія крѣпости новой свободной жизни—измѣненіе сознанія людей, перерожденіе ихъ душъ, новая воля и новая любовь... Политика и соціальное устройство должны сдѣлаться сознательно-религіозными, подчиненными абсолютному центру жизни ⁴⁾).

Итакъ принципъ православной аскетики примѣнительно къ переживаемому моменту,—не отрицая созидательной работы, направленной на устроеніе вышнихъ формъ общественной жизни,—съ настойчивостью указываетъ и напоминаетъ то основное условіе, безъ котораго эта работа, какъ бы ни была она настойчива и напряженна, не приведетъ къ должнымъ результатамъ,—это условіе—очищеніе сердца, воспитаніе и укрѣпленіе воли, просвѣщеніе разума отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ общество. Но къ этому же выводу, какъ мы видѣли, приходятъ совершенно самостоятельно и многіе современные вдумчивые и безпристрастные наблюдатели законовъ жизни и условій развитія чловѣчества.

Въ заключеніе считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить свою глубочайшую благодарность и сердечную признательность профессору Александру Александровичу Бронзову за ту нравственную и ученую поддержку, которую онъ съ неизмѣнною готовностью и сердечною отзывчивостью оказалъ мнѣ за весь довольно долгій періодъ приготовленія моей настоящей диссертации, а также прошу принять выраженіе моей искренней благодарности о Инспектора Академіи Архимандрита (Феофана за тотъ трудъ, который онъ понесъ по разсмотрѣнію моей диссертации въ рукописномъ и въ печатномъ видѣ.

С. Заринъ.

¹⁾ Иисусъ Христосъ и соціальный вопросъ. Перев. съ нѣмецк. Никитскаго, стр. 94.

²⁾ Соціализмъ, какъ религія. Вопросы философіи и психологіи. 1906. Ноябрь—Декабрь, стр. 539.

³⁾ Стр. 542

⁴⁾ Стр. 542—544

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки